

ЯЗЫК И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ГРЕКОВ АДЫГЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2025 г.)

Ксения Анатольевна Климова

Московский государственный университет
1 Ленинские горы, Москва, Россия
Институт славяноведения РАН
32А Ленинский пр., Москва, Россия
kaklimova@gmail.com

Инна Олеговна Никитина

Институт славяноведения РАН
32А Ленинский пр., Москва, Россия
solreyn@gmail.com

А н н о т а ц и я : В статье дается краткий обзор этнолингвистической экспедиции к грекам Адыгеи, состоявшейся летом 2025 г., направленной на документирование текущего состояния их языка (языков) и традиционной культуры в современных условиях. Целью работы было выявление механизмов сохранения этнической идентичности в условиях утраты языка (переход на русский) и доминирования инокультурных (адыгских) форм быта и обрядности. Полученные данные сопоставлялись с историческими и этнографическими источниками. В настоящее время греческая община республики представлена практически всеми группами греков, проживающими на территории России: двумя группами понтийских греков (грекоговорящими ромеями и туркоговорящими урумами), потомками греческих купцов, землевладельцев и табаководов, переехавших в Россию в XVIII–XIX вв., и особой группой черкесских, или горских, греков, немногочисленные представители которой проживают (или проживали, поскольку сейчас большая их часть переселилась в Краснодар, Майкоп и другие города) в ауле Бжедугхабль Красногвардейского района Республики Адыгея. Черкесские греки, говорившие на адыгейском языке, впоследствии полностью перешли на русский. Обрядовая культура (свадьба, похороны, календарные обычаи) имеет преимущественно адыгские черты, в сфере похоронной обрядности выявляются уникальные синкретические практики, такие как способ погребения с укладыванием досок в могилу, сочетающий православные и мусульманские элементы. При этом ключевым маркером этнической идентичности этой субэтнической группы остается православное христианство и самоназвание «греки».

К л ю ч е в ы е с л о в а : греки России, Адыгея, Майкоп, Бжедугхабль, черкесские греки, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, похоронно-поминальный обряд.

Б л а г о д а р н о с т и : Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00484-П <<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>>.

Д л я с с ы л о к : Климова К., Никитина И. Язык и традиционная культура греков Адыгеи (по материалам этнолингвистической экспедиции 2025 г.) // Антропологический форум. 2026. № 70. С. 337–352.

doi : 10.31250/1815-8870-2026-22-70-337-352

U R L : http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/070/klimova_nikitina.pdf

---

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ, 2026, NO. 70

LANGUAGE AND CULTURE OF THE GREEKS OF KABARDINO-BALKARIA (BASED ON MATERIALS FROM THE ETHNOLINGUISTIC EXPEDITION OF 2025)

Ksenia Klimova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow
Institute for Slavic Studies, RAS
32A Leninsky Ave., Moscow
kaklimova@gmail.com

Inna Nikitina

Institute for Slavic Studies, RAS
32A Leninsky Ave., Moscow
solreyn@gmail.com

A b s t r a c t : This article provides a concise overview of an ethnolinguistic expedition to the Greeks of Adygea conducted in the summer of 2025, aimed at documenting the current state of their language(s) and traditional culture in modern conditions. Currently, the Greek community of the republic is represented by virtually all groups of Greeks residing in Russia: two groups of Pontic Greeks (Greekspeaking Romei and Turkic-speaking Urums), descendants of Greek merchants, landowners, and tobacco growers who moved to Russia in the 18th–19th centuries, and a distinct group of “Circassian” or “Highland” Greeks. The few representatives of the latter reside (or formerly resided, as most have now relocated

to Krasnodar, Maykop, and other cities) in the aul of Bzhedugkhabl in the Krasnogvardeyskiy District of the Republic of Adygea. The data obtained were compared with historical and ethnographic sources. The Circassian Greeks, who previously spoke the Adyghe language, have fully shifted to Russian. Their ritual culture (wedding, funeral, and calendar customs) is predominantly Adyghe in character, with unique syncretic practices identified in the realm of funeral rites, such as a burial method involving the placement of boards in the grave, which combines Orthodox and Muslim elements. Nevertheless, the key markers of ethnic identity for this sub-ethnic group remain Orthodox Christianity and the self-designation "Greeks."

Keywords: Greeks of Russia, Adygea, Maykop, Bzhedugkhabl, Circassian Greeks, Greek traditional culture, ethno-linguistics, Pontic Greeks, funeral and memorial rites.

Acknowledgements: The work was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00484-P <<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>>.

To cite: Klimova K., Nikitina I., 'Yazyk i traditsionnaya kultura grekov Adygei (po materialam etnolingvisticheskoy ekspeditsii 2025 g.)' [Language and Culture of the Greeks of Kabardino-Balkaria (Based on Materials from the Ethnolinguistic Expedition of 2025)], *Antropologicheskij forum*, 2026, no. 70, pp. 337–352.

doi: 10.31250/1815-8870-2026-22-70-337-352

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/070/klimova_nikitina.pdf

Ксения Климова, Инна Никитина

Язык и традиционная культура греков Адыгеи (по материалам этнолингвистической экспедиции 2025 г.)

В статье дается краткий обзор этнолингвистической экспедиции к грекам Адыгеи, состоявшейся летом 2025 г., направленной на документирование текущего состояния их языка (языков) и традиционной культуры в современных условиях. Целью работы было выявление механизмов сохранения этнической идентичности в условиях утраты языка (переход на русский) и доминирования инокультурных (адыгских) форм быта и обрядности. Полученные данные сопоставлялись с историческими и этнографическими источниками. В настоящее время греческая община республики представлена практически всеми группами греков, проживающими на территории России: двумя группами понтийских греков (грекоговорящими ромеями и туркоговорящими урумами), потомками греческих купцов, землевладельцев и табаководов, переехавших в Россию в XVIII–XIX вв., и особой группой черкесских, или горских, греков, немногочисленные представители которой проживают (или проживали, поскольку сейчас большая их часть переселилась в Краснодар, Майкоп и другие города) в ауле Бжедугхабль Красногвардейского района Республики Адыгея. Черкесские греки, говорившие на адыгейском языке, впоследствии полностью перешли на русский. Обрядовая культура (свадьба, похороны, календарные обычаи) имеет преимущественно адыгские черты, в сфере похоронной обрядности выявляются уникальные синкретические практики, такие как способ погребения с укладыванием досок в могилу, сочетающий православные и мусульманские элементы. При этом ключевым маркером этнической идентичности этой субэтнической группы остается православное христианство и самоназвание «греки».

Ключевые слова: греки России, Адыгея, Майкоп, Бжедугхабль, черкесские греки, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, похоронно-поминальный обряд.

В июле 2025 г. была проведена этнолингвистическая экспедиция¹ к грекам Адыгеи и Краснодарского края. В ходе полевых исследований обследованы г. Майкоп, хут. Гавердовский и аул Бжедугхабль в Адыгее, а также г. Краснодар, Белореченск и Усть-Лабинск в Краснодарском крае. В статье представлены материалы той части экспедиции, которая затронула Республику Адыгея.

Ксения Анатольевна Климова

Московский государственный
университет /
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
kaklimova@gmail.com

Инна Олеговна Никитина

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
solreyne@gmail.com

По данным примерно десятилетней давности, греков в Адыгее проживало сравнительно немного — около 2500 [Чеучев, Спиров 2012: 3]. Полевые исследования показали, что в настоящее время греческая община республики представлена практически всеми группами греков, проживающими на территории России²:

¹ Это уже тринадцатая по счету экспедиция, изучающая греков на территории России (и СНГ) и работающая по этнолингвистической программе Малого диалектологического атласа балканских языков, составленной А.А. Плотниковой [Плотникова 2009], а также по специальным тематическим вопросникам, разработанным для исследований греческой культуры в России.

² Мы не имеем данных о том, проживают ли в Адыгее приазовские греки.

- 1) двумя группами понтийских греков (грекоговорящими ромеями и туркоговорящими урумами);
- 2) потомками греческих купцов, землевладельцев и табаководов, переехавших в Россию в XVIII–XIX вв. (семья Неофиту из Майкопа);
- 3) особой группой горских греков.

До этого на Северном Кавказе мы работали преимущественно с греками, чьи предки происходят с Понта [Климова, Никитина 2025], и именно эта группа является наиболее многочисленной в Адыгее, составляя подавляющий процент упомянутых 2,5 тысяч греческого населения республики. Понтийские греки в Адыгее, в свою очередь, представлены преимущественно греками-туркофонами, переселившимися из Грузии в х. Гавердовский в XX в. Эта часть греческого населения Адыгеи стала объектом исследования антрополога А. Попова в начале 2000-х гг. (см.: [Роров 2016]). Однако в экспедиции мы задались целью исследовать новую и по-своему загадочную для нас субэтническую группу черкесских, или горских, греков, потомки которых, некогда компактно проживавшие в ауле Бжедугхабль (адыг. Бжъэдыгъухьабл) Красногвардейского района Республики Адыгея, к настоящему времени в большинстве своем переселились в крупные города (Краснодар, Майкоп и др.). Несмотря на наличие ценных исторических и этнографических работ (см., например: [Кузнецов, Колесов 2002; Роров 2016]), современное состояние греческой общины Адыгеи, особенно ее наиболее специфичной группы черкесских греков, остается малоизученным. Предшествующие исследования фиксировали ситуацию конца XIX — начала XXI в., когда группа еще проживала компактно в ауле Бжедугхабль. Урбанизационные процессы последних двух десятилетий привели к рассеянию общины, поскольку сейчас почти все горские греки покинули Бжедугхабль, переехав в крупные города. Это ставит перед исследователями новый вопрос: какие механизмы поддержания этнической границы актуализируются в условиях территориального разобщения, утраты бытового адыгского языка и доминирования русской городской среды? Настоящая статья, основанная на полевых материалах 2024–2025 гг., призвана ответить на этот вопрос. Таким образом, исследовательская задача нашей работы заключается в фиксации и анализе современного состояния культуры и идентичности черкесских греков в сопоставлении с имеющимися историко-этнографическими данными. Особое внимание уделяется тому, как представители этого малочисленного сообщества ретроспективно осмысливают свою языковую и обрядовую специфику и какую роль в конструировании этничности играет религиозный фактор.

И.В. Кузнецов и В.И. Колесов¹, много лет проводившие исследования этнической группы, указывают пять фамилий бжедуг-хабльских греков: Аслановы, Демтировы, Девтеровы, Костановы, Хазаровы (а также шестую фамилию — Серафимовых, проживающих уже не в ауле, а в Майкопе) — и приводят общую численность перечисленных семей — 70 человек [Кузнецов, Колесов 2002: 108]. Все эти фамилии встречаются на надгробных памятниках кладбища в ауле. Нам удалось пообщаться лишь с представителями двух фамилий — Девтеровых и Демтировых.

Наше первое знакомство с черкесскими греками случилось в 2024 г., когда в ходе другой экспедиции мы посетили греческое село Мерчанское в Краснодарском крае. Там мы узнали, что представителей семьи Демтировых другие греки в селе называют «черкесами»:

В Мерчанке был черкесский квартал, в который приехали несколько семей из аула Бжедугхабль. <...> Еще моего деда, который уже в середине XX века был рожден, называли черкес. Его звали Георгий Васильевич Демтиров. И я черкес, внук черкеса, потому что... Мы-то понтийцы, крещенные, конечно, но называли его черкесом, потому что все прибыли из Адыгеи, жили среди адыгейцев (ДСА, м., ок. 1985 г.р., род. и зап. Краснодар; здесь и далее выделено нами. — К.К., И.Н.).

Действительно, часть фамилии Демтировых из аула Бжедугхабль поселилась в Мерчанском, по мнению Кузнецова и Колесова, еще в дореволюционное время [Кузнецов, Колесов 2002: 109]. Исследователи называют их «полностью эллинизированными» [Кузнецов, Колесов 2002: 109], видимо, имея в виду, что представители группы переняли местные греческие традиции и перешли на понтийский диалект, бытующий среди греков Мерчанского. Однако показательно, что прозвище «черкесы» за ними сохранилось, и память о ином «происхождении» жива в сообществе, в чем мы убедились сами во время экспедиции 2024 г.

Вопрос о происхождении черкесских греков остается дискуссионным. В отличие от тюркоязычных греков Грузии, их этногенез не становился предметом пристального внимания, что, вероятно, обусловлено малочисленностью группы и ее поздней «незаметностью» для государства. Согласно существующим гипотезам, они могут рассматриваться либо как потомки исторического греческого (православного) населения Кавказа, либо

¹ Для нас было особенно ценно, что В.И. Колесов любезно согласился присоединиться к нашей поездке в аул Бжедугхабль, посетил вместе с нами местное христианское кладбище, поучаствовал в интервью с представителями семьи Девтеровых и поделился своими воспоминаниями и наблюдениями.

как потомки адыгов-христиан, усвоивших греческую идентичность через религиозную принадлежность (*rum* 'ромеи') [Кузнецов, Колесов 2002: 122], так как система миллетов в Османской империи делила население по религиозному критерию, и в рум-миллет, т.е. греческий миллет, попадали не только греки, но и другие православные народы, преимущественно славяне. Те представители этнической группы, с которыми нам удалось поговорить, свое «происхождение» в такой глубокой исторической перспективе не рефлексируют.

Горские греки проживали на территории Закубанья, которая традиционно была населена адыгами. В XVIII — первой половине XIX в. местные черкесские (адыгские) племена жили, по сути, автономно, хотя номинально и находились в сфере влияния Османской империи [Кубашичева 2008: 85]. Можно сказать, что историческая Черкесия в этот период была ареной противоборства между Российской и Османской империями.

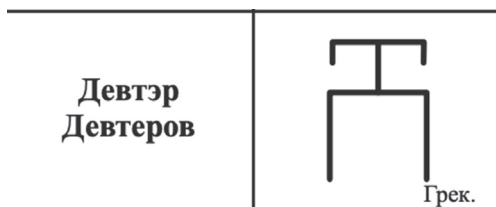
В официальном бюрократическом дискурсе Российской империи, по сведениям В.И. Колесова, группа изначально называлась «закубанскими греками» (что указывало на их «околоосманское» положение, так как граница с Османской империей проходила по реке Кубань), а уже после окончательного присоединения Закубанья к России в ходе Кавказской войны они получили классический колониальный эпитет «горские» [Колесов 2020: 34–35]. В.И. Колесов также описывает традиции двойных имен, когда человек имел бытовое адыгское имя и «официальное», «сакральное» христианское, и приводит соответствующие примеры: Мерем-Марья-Наго Демтирова, Хурай-Кузьма Шумаф-Симеон, Пшимаф-Христофор, Бхыбз-Мария и Казбеч-Василий Девтеровы и пр. Однако такая двойная система, по мнению В.И. Колесова, сохранялась только до конца XIX в. [Колесов 2000: 177–180]. Наши собеседники носили имена, распространенные среди русских и греков.

Согласно переписи 1926 г., в Бжедугхабле проживал 661 человек, из которых греки составляли абсолютное большинство — 286 человек (43,3 %), армян было 116 (17,5 %), черкесов — 103 (15,6 %). В 2001 г. из 909 жителей аула греки составляли всего 16 человек (1,8 %), русские — 457 чел. (50,3 %), курды — 256 чел. (28,2 %), армяне — 79 чел. (8,7 %), адыгейцы — 55 чел. (6,1 %), украинцы — 22 чел. (2,4 %) [Девтерова 2013: 26]. Важно отметить, что армяне, упоминаемые в переписях, были представлены как армяноязычными армянами, так и черкесскими армянами (черкесогаями) [Кузнецов, Колесов 2002: 109] — адыгоязычной группой, по своей истории близкой черкесским грекам (см.: [Колесов 2020]). По данным нашей экспедиции, сейчас в ауле проживает всего несколько греков, остальные

представители этой этнической группы переехали в крупные города, такие как Майкоп или Краснодар.

Показательным примером, как адыгоязычные греки могли восприниматься в советском государстве, является судьба национального адыгейского писателя и литературоведа Д.Г. Костанова (1919–1985). Костанов также был уроженцем аула Бжедугхабль, одним из черкесских греков, о чем рассказывают наши собеседники. Похоронен он на православном кладбище в ауле рядом с другими представителями рода Костановых. На могиле установлен бюст писателя, подпись гласит: «писатель Дмитрий Костанов». Никакой религиозной символики памятник не содержит, что характерно для надгробий «видных людей» советского времени. В официальном дискурсе греческое происхождение писателя никак не упоминается: он считается адыгейским писателем и автором первого школьного учебника по адыгейской литературе, также известен как переводчик произведений М. Горького и А. Фадеева на адыгский язык, которым владел в совершенстве. Сейчас сложно сказать, насколько такое размытие идентичности Костанова было его личным желанием, насколько — продуктом советской политики. Однако факт захоронения писателя на христианском кладбище рядом с другими представителями фамилии говорит по меньшей мере о том, что для членов семьи он оставался греком.

Следует отметить, что в сборнике А.Б. Чуяко, где собраны адыгские фамилии и родовые знаки, *тамги*, упоминается фамилия Девтеров с пометкой «греческая», при этом ей соответствует определенная тамга (ил. 1), что можно считать свидетельством интегрированности этого рода в общую социокультурную адыгскую систему.

Ил. 1. Тамга рода Девтеровых [Чуяко 2012: 146]

Аул Бжедугхабль (в пер. с адыг. «Бжедугский аул») основан в 1871 г. выходцами из нескольких бжедугских¹ селений (Габукай, Понезукай и пр.). Основавшие его адыгоговорящие греки отделились в отдельный аул, создав особую культурно-языковую

¹ Бжедуги — одна из адыгских (черкесских) групп, в настоящее время составляющая большую часть адыгейцев.

среду с христианским укладом жизни. Первыми переселенцами были семьи Девтеровых, Демтировых, Серафимовых, Костановых [Девтерова 2013: 16–18].

По свидетельствам наших информантов, бжедугхабльские греки говорили на адыгском языке, при этом фольклорные тексты (песни, сказки и пр.) также были адыгскими. На момент нашего полевого исследования никто из информантов не владел адыгским, все интервью проводились на русском языке. Собеседники вспоминали, что адыгским владели старшие представители их семей — бабушки и дедушки. В советское время были предприняты попытки преподавания новогреческого языка¹, для чего в аул был прислан преподаватель Константин Петрактистис, обучавший местных жителей не только национальному языку, но и новогреческим песням и обычаям [Кузнецов, Колесов 2002: 110]. Однако, как отмечают информанты, новогреческий язык так и не смог войти в обиход черкесских греков, возможно, из-за непродолжительного периода его преподавания (к 1937 г. все греческие школы на территории СССР были закрыты).

Но, к сожалению, вот греческий язык не прижился. <...> Там потом, после него (Петрактистиса. — К.К., И.Н.) из Мерчанки эта была, женщина-гречанка, пыталась тоже преподавать — ничего. Но и адыгейский язык никто не преподавал. Они вот так, от общения (его выучивали — К.К., И.Н.). В школе у нас всё на русском языке. Но греки и русским языком владели замечательно (ДЛИ, ж., 1938 г.р., род. Бжедугхабль, зап. Майкоп).

Многие наши информанты, сейчас проживающие в крупных городах — Майкопе или Краснодаре, вспоминают детские и юношеские годы, проведенные в ауле. Про этническую картину вспоминают так: в ауле жили русские, греки, армяне, цыгане, адыги. При этом в процентном соотношении адыгов в Бжедугхабле было меньше, но «речь в ауле звучала русская и адыгейская». В воспоминаниях греков аул предстает практически райским садом, где все жили в мире и согласии. Жители выращивали кукурузу, виноград, держали птицу и крупный рогатый скот. При этом отмечается, что свиней в греческих семьях не держали, в отличие от русских. «Национального вопроса там вообще не было», — заключает наша собеседница, говоря о том, как греки и адыги жили «бок о бок», отмечая вместе

¹ Стандартная практика для раннесоветского времени: до 1937 г. в регионах компактного проживания греков функционировали школы с преподаванием новогреческого языка (димотики), на котором говорили в Греции. Отметим, что новогреческий язык не являлся этническим языком для греков Понта, проживавших на Северном Кавказе: часть говорила на понтийском диалекте греческого (который достаточно сильно отличается от новогреческого), другая же часть — на историческом северо-восточном диалекте турецкого.

Пасху и другие праздники. Такое «интернациональное прошлое» Бжедугхабля в представлении собеседников резко контрастирует с его настоящим. Дело в том, что в последние десятилетия аул стал заселяться курдами и, по мнению греков, превратился в место не совсем дружелюбное и даже опасное: например, нас перед визитом в Бжедугхабль настойчиво предупреждали не оставлять машину без сигнализации. Курды стали приезжать на территорию Адыгеи, в частности в аул, в 1990-е гг. из Армении из-за армяно-азербайджанского конфликта. Некоторые дома, которые раньше принадлежали грекам, сейчас выкуплены курдскими семьями.

Идентичность черкесских греков строилась в первую очередь на религиозной составляющей: в отличие от окружающих адыгов, они исповедуют православное христианство. При этом конфессиональная траектория группы не так проста. Кузнецов и Колесов сообщают, что в ауле была армяно-григорианская церковь, построенная на средства одного богатого черкесогоя, жителя аула [Кузнецов, Колесов 2002: 113]. Исследователи пишут, что благодаря церкви и наличию постоянного священника в ауле (т.е. подвергшись «церковному просвещению») как армяне, так и греки стали крестить детей, венчаться в церкви и отпевать покойных. При этом Кузнецов и Колесов отмечают интересную деталь: несмотря на то что венчались греки в армянской церкви, священника для отпевания приглашали русского [Кузнецов, Колесов 2002: 113]. При установлении советского режима армянская церковь прекратила свое функционирование и была уничтожена. Впоследствии греки посещали русскую церковь в соседнем селе Великовечное (на расстоянии 10 км от Бжедугхабля, до 1967 г. — два разных села, Великое и Вечное), из которого также приглашали священника для совершения ритуалов. Таким образом, ритуальная сторона религиозной жизни черкесских греков «выровнялась» в сторону русского православия по абсолютно прагматической причине — из-за закрытия ближайшей церкви, которая была армянской. При этом тенденция к сознательному выбору православных традиций наблюдалась еще во время сосуществования двух конфессий.

Размышляя о соотношении адыгского и греческого элемента в своей культуре, наши собеседники отмечают, что их предки «перенимали» множество адыгских обычаев. В частности, они вспоминают, что греки в ауле говорили на адыгском, не носили «свою» одежду, готовили адыгские блюда, соблюдали обычаи соседей:

Они (греки. — К.К., И.Н.) всё приняли, что было у адыгов — язык, обычаи <...> На протяжении многих лет, что они (греки. —

К.К., И.Н.) проживали на территории Кубани, Адыгеи — не проявляли свои национальные наряды (ДЛИ, ж., 1938 г.р., род. Бжедугхабль, зап. Майкоп).

Дедушка так говорил, что это было как бы из уважения. Не носили свое (национальную одежду. — К.К., И.Н.) **не потому что они не знали, а из уважения к черкесам**. Они старались, ну, как бы подстроиться (ЕНМ, ж., 1964 г.р., род. и зап. Майкоп).

Аул Бжедугхабль — **да, там греки, но они были обадыгейившиеся: язык, кухня, похороны... <...>** Почему мы называем их «обадыгейившиеся»? Потому что они говорили по-адыгейски, никто из них не говорил по-гречески (АВД, 1953 г.р., род. и зап. Майкоп).

При этом информанты не испытывают негативных чувств по поводу того, что греки Бжедугхабля были *обадыгейившиеся* и говорили не на «родном» языке. Напротив, многие гордятся тем, что их предки говорили на «чистейшем адыгском языке» и соблюдали адыгский этикет (*адыгэ хабзэ*). Традиционная кухня бжедугхабльских греков также в основном была адыгской. Один информант вспоминал, что «сыр адыгейский делался в каждом дворе», а его любимым блюдом был *щипс* — национальное блюдо адыгов.

Семейная обрядность черкесских греков также тесно сопряжена с адыгскими обычаями. Рассказывали, что среди греков в ауле предпочтительнее было жениться на армянках (черкесогайках) или даже на черкешенках, но не на русских (что интересно, учитывая вышеописанные конфессиональные предпочтения греков при соседстве с армянами). Браки с адыгами тем не менее встречались, о чем свидетельствуют и парные захоронения представителей двух этнических групп. Одна собеседница вспоминала, что ее дедушка украл бабушку, и называет этот обычай адыгским. Справедливости ради отметим, что «воровство невест» практиковалось и греками на Северном Кавказе. Вспоминая свадьбу своей тети, информант 1953 г.р. описывает ее как «свадьбу в адыгейском стиле»: невеста стояла в углу «как адыгейские невесты» и не принимала участия в плясках, на торжестве «звучала адыгейская гармошка», а гости танцевали танец «удж» под предводительством ведущего, который держал обрядовую палку с нанизанными на нее орехами (фундуком), которые при движении издавали громкий звук. Все эти ритуальные элементы, описанные информантом, — адыгские. Говоря о современной греческой свадьбе, информанты применяют прилагательное «европейская» и отмечают, что никаких «этнических» особенностей в ней не присутствует.

В ауле Бжедугхабль есть два кладбища — христианское и мусульманское. На первом захоронены преимущественно греки,

армяне и русские, на втором — адыги. Однако на мусульманском кладбище нам также встретились захоронения греков — Девтеровых и Костановых. Информанты пояснили, что супруги обычно выражали желание быть похороненными рядом, и поэтому такие захоронения допустимы в случае межэтнических браков.

У бжедугхабльских греков сохраняется общая канва православного похоронного ритуала. Хоронят на третий день, две ночи перед погребением тело должно оставаться дома. Информанты отмечали, что сейчас этим предписаниям тоже стараются следовать и тело из морга (или похоронного бюро) забирают хотя бы на последнюю ночь. В эту ночь перед похоронами рядом с телом сидят друзья и родственники покойного: оставлять его «одного» считается неправильным. Наши собеседники, однако, подчеркивали, что во время такого бдения не подобает шутить и вести разговоры на отвлеченные темы (особенно сплетничать). Это отличает похоронный ритуал бжедугхабльских греков от понтийского, где шутки и веселые истории во время ночи с покойным зачастую приемлемы, так как считаются способом разрядить обстановку и эмоционально облегчить процесс похорон. У понтийских греков, проживающих в России, традиция ночного бдения над телом покойного тоже сохраняется и считается важной частью ритуала (см.: [Климова, Никитина, Пелевинова 2024: 26]). Плакальщиц, по сообщениям информантов, у греков Адыгеи не было. Для отпевания покойного могли приглашать священника из соседнего села (Великовечное), кроме того, в гроб клали освященную землю со двора умершего. Поминки делали в день похорон, на 9-й, 40-й день и на год. На поминальной трапезе предлагались стандартные для юга России блюда — борщ, картошка с мясом, пирожки. Из алкоголя могли ставить красное вино. Интересно, что кутью греки Бжедугхабля готовили из риса (с добавлением сахара и изюма). Использование риса для поминального блюда характерно скорее для русских, в то время как понтийские греки готовят кутью исключительно на основе пшеничной крупы.

Однако в погребальных традициях горских греков наблюдаются элементы, явно появившиеся под влиянием соседней адыгской культуры. Так, информанты вспоминают об особом способе погребения с укладыванием досок в могилу:

Они настолько были пропитаны адыгейской культурой, все наши. Когда я отца хоронил, грека... Мы хоронили его... У отца стоит памятник, как у православных. Но в то же время мы сохраняли традицию адыгского захоронения. Доски. Вот эти доски мы ставили. <...> По диагонали ставили. У адыгов же так

хоронят, потому что они не в гробу, а в саване... (АВД, 1953 г.р., род. и зап. Майкоп).

С утверждением ислама среди адыгов стало доминировать захоронение в саване без гроба [Абазов и др. 2022: 451]. Для различных локальных групп адыгов характерно захоронение в подбойных могилах, когда в южной стороне ямы выкапывают нишу, где и размещают тело умершего (в саване) на правом боку (чтобы лицом он был направлен к Мекке) [Лакунова 2023: 151]. Такой тип погребения характерен для ислама, ниша носит название *ляхд*. Нишу обыкновенно перекрывают кирпичом или досками, как и в приведенной выше цитате информанта, и только потом закапывают могилу землей. Несмотря на то что греков хоронили в гробу, доски в могилу все равно помещали. Один информант из аула, русский, женатый на гречанке, вспомнил, что в греческих могилах, в отличие от адыгских, нишу не делали: гроб размещали в яме, но накрывали его досками, перед тем как засыпать землей. Вероятно, доски греки размещали по диагонали по аналогии с мусульманским захоронением, где доска призвана таким образом закрывать *ляхд*.

Календарная обрядность черкесских греков имеет уникальные черты, объединяющие ее с понтийской традицией. Так, на Новый год (или Рождество) в каждой семье выпекался ритуальный пирог с запеченной внутри монеткой, который полагалось разделить между всеми членами семьи, и тот, кому доставался кусок с монеткой, считался самым удачливым и счастливым в новом году. Традиция изготовления ритуального слоеного пирога *бымпепиш*, очевидно, сохранялась в ауле достаточно долго, поскольку многие наши информанты вспоминали и о самом блюде, и об обряде его разделения между членами семьи. Начинку у пирога могли делать как мясную, так и фруктовую. Название пирога (*бымпепиш*) в ходе бесед зафиксировать не удалось, однако оно приводится в опубликованном Л.И. Девтеровой письме жителя аула Бжедугхабль В.А. Ханжиева 1926 г.р. от 14.01.1944: «Здравствуйте, дорогие родители. Разрешите поздравить вас с новым 1944 годом! <...> Сегодня у вас большой праздник. Будете резать *бымпепиш* (слоеный пирог с монеткой на счастье) и, может быть, мне выпадет счастье. Мою долю вы, конечно, отнесли тете Марусе» [Девтерова 2013: 67].

Сохраняются также воспоминания об обряде «устрашения» плодовых деревьев, в ходе которого хозяин шел с топором в сад и высказывал ритуальную угрозу срубить дерево, не дававшее плода. Этот обряд, известный в том числе славянам, народам Южной Европы (грекам, итальянцам и пр.) [Толстой 2003; Агапкина 2017], имеющий евангельские параллели [Страхов 2003: 152–160], характерен и для понтийской традиции на территории

России [Климова, Никитина 2023: 34–35]. О том, как обряд выполнял его отец, нам рассказал информант:

Инф.: Ну, это я знаю точно. Это мой отец сделал с орехом. Греческий орех привезли из аула. Он у меня сейчас растет дома, потому что на земле живем. И он... Что-то у него испортилось. Оно перестало рожать, хорошо рожать. Он (отец. — К.К., И.Н.) взял топор. И вот этот... Ну, ствол был уже вот такой. Он — раз, два... Ругал его. Ругал и насечки делал. <...> Три раза. <...>

Соб.: А что говорил именно, не помните?

Инф.: Нет.

Соб.: А вы присутствовали при этом?

Инф.: Да. Я даже удивился, что он делает. <...> Значит, этот орех не давал плодов. Вот сейчас даже следы на нем остались. <...> Да, он поругал его, побил, и он стал рожать потом. Вот удивительно. <...> И до сих пор стоит там такой орех, я его никогда в жизни не уберу до конца своей жизни (АВД, 1953 г.р., род. и зап. Майкоп).

Большой интерес представляют сведения о рукописных молитвах-оберегах, характерных как для мусульманской (муска), так и для понтийской греческой традиции (φυλαχτόν, εϋκόλλιον). Такие амулеты специально изготавливались для защиты от сглаза, порчи, предохранения от вредоносного воздействия злых сил, излечения от болезней или как талисман, оберегающий его владельца в долгом путешествии. Они имели треугольную форму и могли изготавливаться из кожи или ткани, в которую зашивали бумагу с текстом — обыкновенно молитвенным. Отца нашего информанта призвали на фронт в 1941 г. Он участвовал в боях на «Голубой линии», был награжден медалью за оборону Кавказа, и по семейному преданию, именно такая рукописная молитва-оберег помогла ему вернуться домой живым и невредимым:

Инф.: Но он вернулся. Он вернулся, и у него был, как он мне рассказывал... Бабушка ему, **мама дала ему как амулет какой-то вот, ну, как у адыгов есть, знаешь, зашитое что-то такое, да?** <...> И он с ним был, и он остался живой.

Соб.: Так, а что там было зашитое?

Инф.: А там была молитва какая-то. Они зашивали молитву в кожаную, в кожаную, вот такой (АВД, 1953 г.р., род. и зап. Майкоп).

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов о современной этнолингвистической ситуации греков Адыгеи. Все основные группы греков — ромеев, урумов и черкесских греков — объединяют общие процессы постепенной утраты языка, ассимиляции и урбанизации, что особенно ярко проявляется в судьбе черкесских греков аула Бжедугхабль.

Тенденция к ассимиляции частично компенсируется деятельностью местных активистов и греческих обществ в крупных городах (Майкопе, Белореченске, Краснодаре), стремящихся сохранить традиционную культуру, передать будущим поколениям свою историю. Однако, несмотря на эксплицитное признание черкесскими греками того факта, что адыгская культура, включая язык и обычаи, проникла в жизни их предков, этнические границы довольно ревностно оберегаются. По сути, единственной основой этих границ, самым важным атрибутом этничности в этом случае оказывается религия — православная вера, которая и делает черкесских греков греками, а не греческими адыгами.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00484-П. <<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>>.

Библиография

- Абазов А.Х., Анчабадзе Ю.Д., Кушхабиев А.В., Паштова М.М. (отв. ред.). Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсути. М.: Наука, 2022. 870 с.
- Агапкина Т.А. Вербальная магия в ареальном аспекте: «устрашение» плодовых деревьев // Славянский альманах. 2017. Вып. 3–4. С. 351–366.
- Девтерова Л.И. На перекрестке дорог. Майкоп: Полиграф-юг, 2013. 332 с.
- Климова К.А., Никитина И.О. Традиционная календарная обрядность понтийских греков (по материалам этнолингвистических экспедиций 2022–2023 гг.) // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2023. № 16 (3). С. 23–43.
- Климова К.А., Никитина И.О. Переселение греков на территорию России: история, нарративы, идентичность // Плотникова А. А. (отв. ред.). Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении: сб. статей. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. С. 88–114.
- Климова К.А., Никитина И.О., Пелевинова М.В. Особенности семейной обрядности греков России: родины, свадьба, похороны (по материалам этнолингвистических экспедиций 2022–2024 гг.) // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2024. № 18 (1). С. 9–31.
- Колесов В.И. «...Иванис, он же Чанклыш...»: традиция сосуществования двух имен у адыгоязычных христиан Кубани в XIX веке // Традиции и обычаи народов России: Вторая рос. конф. с междунар. участием (16–18 мая 2000 г., Санкт-Петербург): тез. док. и сообщ.: в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 176–180.
- Колесов В.И. Горские евреи, урымы, черкесогаи: типология немусульманских групп Северо-Западного Кавказа середины XIX века // Judaic-Slavic Journal. 2020. № 2 (4). С. 33–59.

- Кубашичева З.Ю. Северо-западный Кавказ и адыги в системе международных отношений в начале XIX в. // Новые технологии. 2008. № 6. С. 84–86.
- Кузнецов И.В., Колесов В.И. «Черкесские греки» — идентичность, культура, религия // Диаспоры: независимый научный журнал. 2002. Т. 1. № 1. С. 106–132.
- Лакунова Д.Р. Трансформация похоронно-погребальных обрядов и ритуалов кабардинцев Кабардино-Балкарской Республики в начале 20-х гг. XXI в. // Кавказология. 2023. № 2. С. 143–155.
<https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2023/07/10_lakunova.pdf>.
- Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. 160 с.
- Страхов А.Б. Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge: Palaeoslavica, 2003. 380 с.
- Толстой Н.И. Архаический ритуал-диалог // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 346–356.
- Чеучев Н.Ш., Спилов А.А. Греки Адыгеи. Майкоп: Полиграф-юг, 2012. 200 с.
- Чуяко А.Б. Адыгские фамилии и тамги. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2012. 223 с.
- Popov A. Culture, Ethnicity and Migration After Communism: The Pontic Greeks. London: Routledge, 2016. XIV+218 p.

Language and Culture of the Greeks of Kabardino-Balkaria (Based on Materials from the Ethnolinguistic Expedition of 2025)

Ksenia Klimova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow
Institute for Slavic Studies, RAS
32A Leninsky Ave., Moscow
kaklimova@gmail.com

Inna Nikitina

Institute for Slavic Studies, RAS
32A Leninsky Ave., Moscow
solreyne@gmail.com

This article provides a concise overview of an ethnolinguistic expedition to the Greeks of Adygea conducted in the summer of 2025, aimed at documenting the current state of their language(s) and traditional culture in modern conditions. Currently, the Greek

community of the republic is represented by virtually all groups of Greeks residing in Russia: two groups of Pontic Greeks (Greek-speaking Romei and Turkic-speaking Urum), descendants of Greek merchants, landowners, and tobacco growers who moved to Russia in the 18th–19th centuries, and a distinct group of “Circassian” or “Highland” Greeks. The few representatives of the latter reside (or formerly resided, as most have now relocated to Krasnodar, Maykop, and other cities) in the aul of Bzhedugkhabl in the Krasnogvardeyskiy District of the Republic of Adyghea. The data obtained were compared with historical and ethnographic sources. The Circassian Greeks, who previously spoke the Adyghe language, have fully shifted to Russian. Their ritual culture (wedding, funeral, and calendar customs) is predominantly Adyghe in character, with unique syncretic practices identified in the realm of funeral rites, such as a burial method involving the placement of boards in the grave, which combines Orthodox and Muslim elements. Nevertheless, the key markers of ethnic identity for this sub-ethnic group remain Orthodox Christianity and the self-designation “Greeks.”

Keywords: Greeks of Russia, Adyghea, Maykop, Bzhedugkhabl, Circassian Greeks, Greek traditional culture, ethnolinguistics, Pontic Greeks, funeral and memorial rites.

Acknowledgements

The work was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00484-P. <<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>>.

References

- Abazov A. Kh., Anchabadze Yu. D., Kushkhabiev A. V., Pashtova M. M. (eds), *Adygi: Adygeytsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi* [The Adyghe: Adygeans. Kabardians. Circassians. Shapsugs]. Moscow: Nauka, 2022, 870 pp. (In Russian).
- Agapkina T. A., ‘Verbalnaya magiya v arealnom aspekte: “ustrashenie” plodovykh derevyev’ [Verbal Magic in the Areal Aspect: “Frightening” Fruit Trees], *Slavyanskiy almanakh*, 2017, no. 3–4, pp. 351–366. (In Russian).
- Cheuchev N. Sh., Spirov A. A., *Greki Adygei* [The Greeks of Adyghea]. Maikop: Poligraf-yug, 2012, 200 pp. (In Russian).
- Chuiako A. B., *Adygskie familii i tamgi* [Adyghe Surnames and Tamgas]. Maikop: Adyghea Republican Publishing House, 2012, 223 pp. (In Russian).
- Devterova L. I., *Na perekrestke dorog* [At the Crossroads]. Maikop: Poligraf-yug, 2013, 332 pp. (In Russian).
- Klimova K. A., Nikitina I. O., ‘Pereselenie grekov na territoriyu Rossii: istoriya, narrativy, identichnost’ [Greek Resettlement to Russia: History, Narratives, Identity], Plotnikova A. A. (ed.), *Slavyano-neslavyanskije pograniychya: pokhoronno-pominatelnyy obryad v etnolingvisticheskom*

osveshchenii [Slavo-Non-Slavic Borderlands: Funeral and Memorial Rituals in Ethnolinguistic Perspective]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS Press, 2025, pp. 88–114. (In Russian).

- Klimova K. A., Nikitina I. O., ‘Traditsionnaya kalendarnaya obryadnost pontiyskikh grekov (po materialam etnolingvisticheskikh ekspeditsiy 2022–2023 gg.)’ [Traditional Calendar Rituals of the Pontic Greeks (Based on Materials from Ethnolinguistic Expeditions 2022–2023)], *Kafedra vizantiyskoy i novogrecheskoy filologii*, 2023, no. 16 (3), pp. 23–43. (In Russian).
- Klimova K. A., Nikitina I. O., Pelevinova M. V., ‘Osobennosti semeynoy obryadnosti grekov Rossii: rodiny, svadba, pokhorony (po materialam etnolingvisticheskikh ekspeditsiy 2022–2024 gg.)’ [Features of the Family Rituals of the Greeks of Russia: Birth, Wedding, Funeral (Based on Materials from Ethnolinguistic Expeditions 2022–2024)], *Kafedra vizantiyskoy i novogrecheskoy filologii*, 2024, no. 18 (1), pp. 9–31. (In Russian).
- Kolesov V. I., ‘...Ivanis, on zhe Chanklysh...’: Traditsiya sosushchestvovaniya dvukh imen u adygoyazychnykh khristian Kubani v XIX veke [“...Ivanis, Also Known as Chanklysh...”: The Tradition of Dual Names among the Adyghe-Speaking Christians of the Kuban in the 19th Century], *Traditsii i obychai narodov Rossii. Vtoraya rossiyskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem (16–18 maya 2000 g., Sankt-Peterburg)* [Traditions and Customs of the Peoples of Russia. The Second Russian Conference with International Participation (May 16–18, 2000, St Petersburg)]: Abstracts and Communications: in 2 vols. St Petersburg, 2000, vol. 1, pp. 176–180. (In Russian).
- Kolesov V. I., ‘Gorskie evrei, urymy, cherkesogai: tipologiya nemusulmanskikh grupp Severo-Zapadnogo Kavkaza serediny XIX veka’ [Mountain Jews, Urums, Cherkesogais: A Typology of Non-Muslim Groups of the North-Western Caucasus in the Mid-19th Century], *Judaic-Slavic Journal*, 2020, no. 2 (4), pp. 33–59. (In Russian).
- Kubashicheva Z. Yu., ‘Severo-zapadnyy Kavkaz i adygi v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v nachale XIX v.’ [The North-Western Caucasus and the Adyghe in the System of International Relations at the Beginning of the 19th Century], *Novye tekhnologii*, 2008, no. 6, pp. 84–86. (In Russian).
- Kuznetsov I. V., Kolesov V. I., ‘“Cherkesskie Greki” — Identichnost, Kultura, Religiya’ [“Circassian Greeks” — Identity, Culture, Religion], *Diaspory: nezavisimyy nauchnyy zhurnal*, 2002, vol. 1, no. 1, pp. 106–132. (In Russian).
- Lakunova D. R., ‘Transformatsiya pokhoronno-pogrebalnykh obryadov i ritualov kabardintsev Kabardino-Balkarskoy Respubliki v nachale 20-kh gg. XXI v.’ [Transformation of the Funeral and Burial Rites and Rituals of the Kabardians of the Kabardino-Balkarian Republic in the Early 2020s], *Kavkazologiya*, 2023, no. 2, pp. 143–155. <https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2023/07/10_lakunova.pdf>. (In Russian).
- Plotnikova A. A., *Materialy dlya etnolingvisticheskogo izucheniya balkanoslavyyanskogo areala* [Materials for the Ethnolinguistic Study of the Balkan-Slavic Area]. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS Press, 2009, 160 pp. (In Russian).

- Popov A., *Culture, Ethnicity and Migration after Communism: The Pontic Greeks*. London: Routledge, 2016, XIV+218 pp.
- Strakhov A. B., *Noch pered Rozhdestvom: narodnoe khristianstvo i rozhdestvenskaya obryadnost na Zapade i u slavyan* [The Night Before Christmas: Folk Christianity and Christmas Rituals in the West and among the Slavs]. Cambridge: Palaeoslavica, 2003, 380 pp. (In Russian).
- Tolstoy N. I., 'Arkhaicheskiy ritual-dialog' [Archaic Ritual-Dialogue], Tolstoy N. I., *Ocherki slavyanskogo yazychestva* [Essays on Slavic Paganism]. Moscow: Indrik, 2003, pp. 346–356. (In Russian).